

ПРЕДИСЛОВИЕ

Иногда мне кажется что Бог все-таки писатель (на самом деле программист, но мечтать же я могу?). Почему я сделал такое предположение? Да потому, что иногда судьбы исторических персонажей так искусно переплетены, что решительно отказываешься верить в случайность совпадений. В истории земель, которые ныне составляют нашу Калининградскую область, таких узлов на несколько лихо закрученных сериалов.

Этими сюжетами я заинтересовался исключительно по причине туристической лени. Оказавшись первый раз в Калининграде по делам, я решил заодно посетить какую-то местную достопримечательность. Одну. Чтобы маме отчитаться. Читать о регионе не хотелось, слушать экскурсии тем более: нужно было что-то быстрое и приемлемое для мамы. И разумеется, я пошел на могилу Иммануила Канта — а куда, казалось бы, еще тут идти? В центре, удобно, брендово. К тому же не в каждом городе автор категорического императива*, который ты сдавал на университетском экзамене, лежит вот так, в общем доступе, можно сказать, автографы раздает. Подходи, вызывай дух и мучай вопросами о мироустройстве.

* Категорический императив — понятие философии Канта, обозначающее высший нравственный закон.

Чтобы не скучать, я начал написывать в мессенджере своему другу Егору Яковлеву, надеясь получить от него короткие и емкие комментарии относительно биографии философского светила.

Когда-то давным-давно по субботам в полупустом зале питерской Капеллы на утренних концертах классической музыки сидели два мальчика. Одним из них был я, а другим — Егор. И меня, и его родители с изрядной настойчивостью приучали к прослушиванию Чайковского и Шопена. Правда, познакомились мы значительно позже, но ленинградская закваска быстро нас подружила. Егор стал известным историком и, что немаловажно, блогером (говорю без тени сарказма, ведь умение доносить свои знания до публики — навык чрезвычайно ценный). Его «Цифровая история» — лучший в России проект исторического просвещения, и теперь по каждому туманному историческому вопросу я адресуюсь к нему. Он или сам интересное расскажет, или что-то умное почтитать посоветует.

Немудрено, что, направляясь к Кафедральному собору, где покоится кенигсбергский гений, я вступил с Егором в оживленную переписку. Среди прочего поделился таким умозаключением:

— Знал бы Кант, что местом его вечного покоя станет другая страна, в которой философ и не бывал-то

никогда. А тут вдруг раз — и он слушает «Маяк» прямо в собственной могиле.

— Ну, вообще-то, бывал. Он же присягал русской императрице. И даже писал нашей Елизавете Петровне прошение о занятии кафедры в Кенигсбергском университете.

— ???

— Восточная Пруссия четыре года была под русским управлением, фактически нашей провинцией.

— Да?!

Позорно, конечно, считать себя образованным человеком и так откровенно провалиться. Начал думать, как выпутаться. На что свалить: на амнезию или на плохое воспитание, сопряженное с детской травмой? Пока думал, услышал следующее, зовущее в архив:

— Это еще что: в то же самое время в Кенигсберг приезжал молодой Суворов. Его папа был губернатором занятых земель. Хотя прямых свидетельств нет, но теоретически он мог видеть Канта. Или хотя бы слышать о нем.

На этом месте я окончательно разочаровался в своей эрудиции. Что, впрочем, неважно: если ты чего-то не знаешь, всегда можно узнать.

Интересней другое: меня как сценариста зацепили эти неожиданные, странные сближения. Суворов, Кант,

Елизавета. Каким еще калининградским сюжетом, объединяющим такие разные фигуры, можно порадовать маму?

Спустя двадцать минут таких историй накопилось в избытке. Наша переписка превратилась в любопытную игру: мы выделяли хронологический период в прошлом янтарного края и набирали в него русских героев, которые здесь воевали, интриговали, любили, проклинали, путешествовали, жили и умирали. Иногда они пересекались друг с другом — или со знаменитыми европейцами; иногда проходили мимо, не заметив поблизости других героев, которых мы знаем со школьной скамьи. Через биографии, связанные с Кенигсбергом-Калининградом и окрестностями, мы постепенно соткали полотно о русской истории, протекавшей в отдельно взятой иностранной провинции. А под конец решили, что было бы просто преступно не превратить наш замысел в книгу. И вуаля, вот она.

Александр Цыткин